

Духота

Света Чей

Света Чей
Духота

«Автор»

2024

Чей С.

Духота / С. Чей — «Автор», 2024

Боль за грудиной – типичное состояние организма, испытывающего кислородное голодание. Только человек, находящийся в состоянии ментальной духоты не чувствует, не осознаёт сигналов тела. Каждый герой сборника «Духота» ищет путь наружу. Но существует ли дверь, чтобы выйти и вдохнуть свежий воздух? Или сама природа и обстоятельства будут нагнетать углекислый газ в комнату?

Содержание

Рассказ "Духота"	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Света Чей Духота

Рассказ "Духота"

Духота

1.

Летом в сибирском высокогорье, даже в самые жаркие месяцы, прохладно вечерами. Но бывают такие дни, когда жара держится сутками. Солнце над долиной с четырьмя сёлами, разделенных большой опасной рекой, поднимается в четыре утра, начинает палить. Вся работа на улице прекращается. Дни стоят томительные, в доме прохладно, но душно – окна не распахиваются. Можно только маленькое стекло из нижней секции выставить с восточной стороны, оттуда потом весь день тянет сквознячок. В сенках жара, там еще и газовая плита, чайник вскипятить, яичницу пожарить. Летом хочется только обжигающий чай с молоком, хлебом, вареньем. Но кипятить чайник лучше в сенках, где почти не находишься.

На склонах жухнет трава, никнут цветы на клумбах. Горная клубника высохла, не успев налиться цветом, в жухлой траве. Коровы весь день лежат, пыхтя и отмахиваясь от гнуса в тени. Домой приходят пустые. Хозяйки не закрывают их в такие дни в пригонах, коровы едят ночами. Работа в огороде только рано утром и поздно вечером, пока светло. И сорняки, и овощи не растут при такой жаре, а выйти победить последний рядок картошки – самоубийство.

На речке хорошо: в протоках ледяная прозрачная вода, даже в лютое пекло, но все как будто выросли, купается малышня. Молодежь сидит по домам. Кто с друзьями, кто один. Под кустами не отлежишься, то редкий комарик клонет на нежную кожу, то стерня от выкошенной литовкой травы, то мелкие насекомые, ползающие в прохладе активнее.

Маша в такие дни лежит одна в доме, глотает книги. Мать что-то делает на кухне, не знает покоя. Она не читает с тех пор как отец ушел, перед этим предприняв попытку повесить маму на двери в сенках. Отец любил читать, мама возненавидела. Девять или десять лет не почти притрагивается к книжкам.

– Лёнька вчера напился, буянил. Не говори ему ничего, обидится, не дай Бог что сделает с собой. – Мама заглядывает в комнату.

– Хорошо, мам, я видела его ночью, завалился в одежде на диван. – Между строк говорит Маша. – Ты же видела?

– Видела, видела. Он разулся тут, в доме грязные тапки бросил. – Она брякает посудой, говорит из кухни. – Ну вот, чтобы не снять обувь на крыльце, пьяный совсем не соображает. А ты чо, мне плохо было от этого его поведения, не видела ли чо? Но ведь ты ж в свои книжки упрёшься, ничего не замечаешь. Спросила бы раньше. Не говори ему ничего, как бы не ... его одноклассник в каком году вон в узду сунул башку? Ох, духота сведет меня с ума.

Шкафчики скрипят. Мама шепчет толи проклятье, жалуясь на свою жизнь, толи молитву. Маша прислушивается. Мама считает. Через минуту в комнату долетает запах корвалола.

Потом слышно, как мама села на стул у холодной печки: отрытая вьюшка как вытяжка тянула хоть какой-то воздух в дом.

– Где вот его носит весь день? Пьёт поди уж, похмеляется в двадцать два года.

Маша смотрит в стену, глаза попадают на календарь с иконой Божьей Матери Неупиваемая чаша. Под цифрами «2006 год» дата от создания мира: 7516. Маша помнит, как после школьной линейки, последнего звонка для Лёнькиного девятого класса, всё село встрепенула новость. Рыжий Пашка, веселый девятиклассник, любимец школы, утром вместо линейки

пошел за конём в рощу. И не вернулся. Оказалось, накануне он поссорился с матерью. Ну, потом его нашли. Повесился на узде.

– Помню, мам, было это ещё когда Ленька учился. Не скажу ему ничего. – Внутри ворочался тошнотворный комок из обиды за мать и ненависти ко всему, в чем приходится жить.

2.

Мама на кухне задергивает ситцевую занавеску: солнце склонилось к закату и теперь жарит в западное окно. Кошка появилась откуда-то и села на пороге, смотрит строго на маму: значит корова и теленок пришли домой. Но мама и Маша пьют горячий чай, едят домашний хлеб с прошлогодним смородиновым вареньем.

Ждут отчима, который весь день ходит где-то по своим родственникам или сидит у своей старой мамы. Если он не на смене в горах, где работает пастухом (чабаном, на местном), он много времени проводит у родственников.

– Маменькин младший сынок, никак не отлепится. – Говорит мама между делом.

Отчим входит, словно и не уходил на весь день. Наливает чай в свой личный стакан, цепляет маму насмешливой речью, когда она спрашивает где был весь день. Маша видит это уже шесть лет. Родители часто ругаются, такая норма у них. Но отчим всегда беззлобен, словно знает, что маме нравится дерзкий диалог. Маша смотрит на него, как на замену. Радует, что есть кому оставить тут маму, когда она уедет навсегда. Не на Леньку же.

Маша с отчимом почти не говорят, мама злится и пугается, чужой мужик в семье всё-таки. А Маша любит его как отца и благодарит судьбу, что такой видный жених (непьющий, некурящий, с работой) выбрал именно маму.

Душным вечером, когда солнце таки село за гору, мама собирается доить корову. А Маша тихо перепирается с мамой.

– Сходила бы на дискотеку. – Говорит мама и берет вонючий «коровий платок», чтобы не марать голову, сидя под говенным боком.

– Давай, я корову подою и пойду, как раньше. – Маша не решительно протягивает руки к платку. Всё равно ведь откажется от помощи.

– Ну, раньше было две коровы, сейчас одна, я справлюсь. Иди, умойся, причешись. А то так и просидишь дома всю молодость. – повязывает платок узлом назад, прикрывая лоб.

Маша вздыхает, чувствуя сопротивление. Не хочется в клуб, она там с двенадцати лет отплясывала. Все девочки или враги теперь, или разъехались. Что там делать в семнадцать? Отбиваться от глупых парней? И дома сидеть – что толку. Одни и те же фильмы по первому каналу, отчим уснёт перед телевизором, с мамой говорить – нарываться на конфликт и нравовучения. Дневник не напишешь – читает и ругается потом. Пробовала прятать – находит. Книги днем читала, рукодельничать не хочется.

На танцах можно поговорить с ровесниками, узнать последние новости, а после прогуляться по ночному селу. Желательно в одиночестве. Ночью хорошо, стихи приходят.

Умыться хватит половины умывальника, ведро для слива еще не полное, можно не выносить. Маша чистит зубы, умывается, красит лицо, смачивает волосы – локоны завились в кудряшки, высохли, пока подбирала одежду.

Брякает дверь в сенках, через открытую дверь в дом слышно. По шагам и дыханию понятно: брат пришел.

– Машка, на дискотеку готова? – Старший брат Лёнька заглянул в комнату, девушка у трельяжа наносит помаду, утвердительно мычит. Мамина туалетная вода душная до тошноты, но нужно хоть чем-то брызнуться, свой флакончик пустой. – А я сегодня пить буду, нашел компанию, и немного денег на спиртягу есть!

– Впрочем, ты каждый день пьёшь, чем сегодня от вчера отличается в этом плане. – Маша выходит на цыпочках по чистому полу сенок на чистое крыльцо, надевает кроссовки. Лёнька идёт за ней.

– Ну, сегодня непростая дискотека, из Огнёвки приедут пацаны – подмигивает. – Весело будет! Девочкам будет с кем потусить, пацанам морду безвозмездно набить можно, за то, что они вас лапать будут.

– Мне Катька ещё в школе репутацию перед Огнёвскими пацанами испортила. – Катька, подруга и одноклассница говорила про Машу всякие глупости: пугала, что стихи про них любовные напишет, или что целоваться не умеет. Катьке нужно было всё внимание, она ревновала девочек, когда они дружили или влюблялись. Все, и парни сельские, и её подруги. Отбила у мальчишек в округе всё желание связываться с подругами. Хотя сама, в городе живет уже год. Но слава в селе так просто не забывается.

Всё это промелькнуло в голове Маши, и единственное, что смогла сказать брату:

– Так что меня лапать не будут, можешь не заступаться.

Лёнька заржал, показались его белые ровные зубы. Конечно, после армии он уже не был такой ласковый и смелый братик, как прежде, но Машино сердце ещё иногда ёкало, глядя как он смеётся, будто не живет у него в сердце зеленый змей. Но морок длился не долго. Брат перестал смеяться, а в серых глазах блеснул жадный огонёк:

– Ну, у меня есть другие сестры. Троюродные, двоюродные, половина села. – Огляделся, понизил голос, приблизил лицо. – Мама в пригоне с коровой? Я пойду, бражки хлебну. А ты молчи!

3.

Семь-восемь девчонок собираются за клубом и гоняют три полторашки крепкой «Охоты» по кругу. Маше на халяву нельзя, нужно принести с собой. Бутылка пива как входной билет в высший свет села. Девчонки пьют, мерзко шутят, смотрят на Машу злыми глазами. Год назад они все переругались из-за Катькиных интриг. Теперь вот, типа перемирие. Но Маша, бывшая всегда в своём селе чужой, «странной», сейчас чувствует себя уже осколком стекла в теле общества. Горькое пиво кое-как лезет в горло. Быстро даёт в голову, и мерзкое пошлое чувство заполняет душу. Или это теплый ветер липнет к потной коже, вызывая тревогу: вечером должно быть прохладно. Чувств уже не разобрать, сбиты прицелы.

Внутри клуба музыка, танцы, полупьяное веселье. Сегодня Огнёвские парни будут разглядывать, а может на медляк пригласят. Но находиться под липкими взглядами, даже в полупьяном состоянии, не приятно для Маши. Если кто-то пойдет провожать, пока Лёнька не увидит, может закончится опасно. Парни для того и приезжают в соседние сёла, чтобы найти девочек сговорчивых. А если разрешила себя проводить, значит и дальше проще будет. Маша хранит верность себе, доступ к телу есть, но она знала, как быстро разнесут сплетни, мать и так просто из своих подозрений частенько пугает, что увезёт к гинекологу, называет шлюхой, а на Машин ответ, три года назад, что она ещё даже не целованная, мать её ударила. Поэтому Маша с благодарностью вспоминает Катьку, уверенная, что проклятье бывшей подруги ещё действует. Ведь парни не боятся старших братьев девочек которые им нравятся. Они боятся странных девчонок. У каждого парня, не смотря на желание развлечься, уже в голове неосознанная программа: найти подходящую жену.

В разгар танцев, когда включили медляк, и приезжие парни разобрали местных девушек, Маша отошла к открытой двери клуба и услышала крики на крыльце. Вышла, и не удивилась. Лёнька орёт и вырывается, поэтому прижат к стене своим другом, ради безопасности, на руках у друга висят девушки. Лёнька орёт, друг стонет, девушки визжат. Брат требует, чтобы наших девочек не трогали. Он скалится, матерится и орёт надрывно, чтобы парни уматывали домой.

Девчонки, с которыми Маша глотала пиво, пытаются успокоить Лёньку:

– Лёня, Лёничка, видишь, сейчас медляк, а мы тут! Мы даже приближаться к ним не будем. Лёнь, ну успокойся пожалуйста!

Маша тихо стоит в толпе образовавшейся вокруг брата. Липкие локти, горячее дыхание, мокрые на спинах футболки девочек, голые блестящие в отсветах светомузыки спины парней, запах пота, алкоголя и туалетной воды перебивает запах ночного села. Маша видит, что её ищут глазами. Она торопливо выходит из толпы, уходит за линию света, смотреть на звёзды и ждать конца конфликта. Она немного боится, что её сейчас схватят и заставят успокаивать Лёньку. У брата на лице неприятное выражение торжества. Ему нравится драма. А Маше нет.

Она идет на берег мелкой речки, в нескольких метрах от клуба и там смотрит на луну над хребтом гор. Мысли сами вернулись к тому, что давит на сердце.

На дискотеке нужно оставаться до закрытия. Придешь домой раньше одиннадцати вечера, мать начнёт трясти: что случилось, как настроение, с кем опять поссорилась. А может ещё заметить, что пьяная. Тогда не отвертись. Задушевные разговоры про то, что пить не нужно, а с девчонками можно найти другой способ общения, обеспечены. Маша не понимает, почему её не понимают, когда она говорит на языке села. Простые разговоры про парней, смех без причины, обсуждение одежды и новостных новостей, она всё это умеет. Но оказывается, нужно что-то ещё, что бы тебя принимали. Эти девочки её ровесницы, семнадцать-восемнадцать. И перешли в девятый класс, второгодницы. Маша знает, что им ещё и в городе придется пресекаться. В первые годы в далёком городе свои держатся вместе, те, кто учился старше и покинули село говорили об этом. Маша не разговаривает на интересные для неё темы. Про Достоевского, как «Идиот» перевернул Маше душу, про ранние стихи Ахматовой, которые особенно хороши сейчас, а вот поздние, наверное, зайдут после тридцати. Про внутренние мотивы героев последних фильмов, которые можно посмотреть на dvd. Ни о чём этом Маша не говорит. Это не интересно для сельской молодёжи.

Она прислушалась: крики на крыльце стихли. Маша встряхнула себя, вернулась в клуб, а тут объявили белый танец.

– Проходили, мам. Мы всё проходили. Вот куда всё вынесло: в бойкот от девчонок, в Катькины интриги, в репутацию, при которой ни один парень не пригласит на медляк в родном селе. – Маша стоит у стены, шепчет себе, смотрит, как пары, слишком близко прижавшись друг к другу медленно идут под музыку.

Но Маше хочется домой пораньше. В одиннадцать, когда нужно расходиться, клуб не закрывают. Саня Вдовин, родственник тёти Саши, заведующей клубом, попросил ещё на час остаться на работе. Саня редко приезжает, тётя Саша, мамина троюродная сестра и одноклассница, согласилась.

Душной полночью, Маша идет одна домой, любуясь звездами, наслаждаясь тихим прохладным ветерком, тянущим с гор. Впитывает село, в котором выросла. Для неё село – это не только люди. Но и горы, под бок которых прижимаются сёла, смена сезонов, дорога, по которой она ходила и бегала, сколько себя помнит, огромный старый тальник за окном. Звуки, вечерние и утренние, весь мир, дающий девушке надежду и красоту, и счастье.

Маша учится в соседнем селе в старших классах. Это последнее настоящее каникулярное лето. Каждый вечер как последний. Что-то переплетается в душе, она рассматривает свои чувства, ищет им названия, откуда они берутся. Тут же отрывки мыслей о прочитанных и читаемых книгах, рифмы, толи свои, толи поэтов-серебрянников, мечты о будущем, где она живет спокойно и радостно. Непременно в покое и радости. Где у неё знакомые, как Таня из старшей школы, с которой они читают друг другу стихи, обсуждают классиков. Таня за Достоевского, а Маше нравится Толстой. И работа, и деньги, всё у неё будет. Только нужно закончить школу и уехать в Город. Он её не пугает, хоть и далеко, целый день пути по перевалам. Пугает суета, ненависть, зависть.

Когда Маша идёт по своей улице, она слышит, как на поляне возле клуба орут, визжат девчонки, басом кричат парни, бьёт бит хриплая музыка, явно из колонки машины. Клуб не далеко, как и всё в этом маленьком селе.

У неё успеваешь проскочить мысль, что звуки странные, похоже кто-то дерётся. Тётю Сашу несколько минут назад мимо провезли домой, значит клуб закрылся. В это время и начинаются схватки. Любимое народное развлечение – мордобой, особенно популярен у молодежи. Есть о чем поговорить, а на следующий день есть повод помириться за бутылкой.

Из темноты переулка рядом с оградой их дома медленно выходит мама, у нее белое лицо, тонкие губы сжаты в линию, пахнет её душной туалеткой. Маша понимает, что ненавидит этот запах, хочется выбросить всю одежду, «потерять» ещё полный флакон. Внутри разверзается пропасть.

– Домой идет, мадам, переваливается! А там Лёню кажется бьют! Ты почему тут! Нужно с братом быть! – Мама хватается дочь холодными руками, вглядывается в лицо. – Пьяная тоже? Алкашка, хочешь по рукам пойти? Под забором умереть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.